

Лань Цичжи и Лань Суннянь сидели в Зале Изыщества, попивая чай и обсуждая вопросы приёма учеников из различных знатных семей для обучения. Внезапно ученик доложил, что прибыла даосская наставница, которая представилась как «ученица старого друга третьего патриарха клана Лань». Услышав это, Лань Цичжи обрадовался, но украдкой взглянул на Лань Сунняня. Тот спросил:

— Зачем она снова пришла?

— Это не Бай Цюсянь, — спохватился Лань Цичжи.

Он понял, что человек, которого он хотел увидеть, должен быть «внуком ученика», а не «учеником». Ученик, вероятно, не ошибся, просто он слишком сильно хотел встретиться с тем человеком. Лань Цичжи был немного разочарован, но этот «ученик старого друга» тоже был весьма известен. Говорили, что она недавно спустилась с горы и, возможно, пришла в клан Лань. Его охватило любопытство, и он поспешно сказал:

— Скорее приглашайте, скорее приглашайте.

Лань Суннянь крайне недолюбливал этого «внука ученика» Бай Цюсянь. Хотя она родилась в богатой семье и была единственной ученицей даосского наставника Яньлина, её семья поколениями занималась торговлей, и её нельзя было сравнивать с кланом Лань, который уже несколько столетий занимался культивацией. Лань Суннянь несколько раз сталкивался с Бай Цюсянь, и каждый раз это было из-за того змеиного демона: он хотел его убить, а она защищала. Она, пользуясь тем, что была ученицей даосского наставника Яньлина, ещё и возвышала себя, называя себя старшей, не боясь при этом надорваться. Это ещё можно было пережить, но теперь появился кто-то с ещё более высоким статусом. При мысли об этом у Лань Сунняня чуть не случился сердечный приступ.

Ученик быстро привёл Чи Хуэй, и Лань Цичжи поспешил поклониться:

— Младший Лань Минь, Лань Цичжи, приветствует старшего наставника Цзансэ саньжэнь.

Увидев, как племянник сам признаёт себя младшим, Лань Суннянь дёрнулся, потряс рукавами и молча стоял, не произнося ни слова.

Лань Суннянь тоже был в сложном положении. Ходили слухи, что Вольный практик Баошань уже более ста тридцати лет — разве это не бессмертный? Хотя она не появлялась в мире, её учениками были и дряхлые старики, и малыши, только начинающие ходить. Она была близкой подругой третьей женщины-главы их семьи, Лань И. А он сам был уже в каком поколении? Лань Суннянь даже не осмеливался подумать, как ему следует называть Чи Хуэй.

Чи Хуэй с достоинством ответила на поклон:

— Не стоит церемоний.

Она действительно вела себя как старшая. Затем она поклонилась Лань Сунняню:

— Старший Лань.

Лань Суннянь слегка кивнул, подумав, что она всё же проявляет некоторую вежливость.

Она внимательно осмотрела Лань Цичжи и улыбнулась:

— Говорят, что в клане Лань из Гусу из поколения в поколение рождаются красавцы. Сегодня, увидев патриарха Лань, я убедилась, что слухи не врут. Какой же вы изящный молодой человек, мягкий, как нефрит.

Членов семьи Лань часто хвалили за внешность, и Лань Цичжи уже привык к этому. Но эти слова, сказанные Чи Хуэй, звучали как-то странно. Её взгляд был прямым, но в похвале чувствовался оттенок насмешки, словно... словно кто-то другой... Эх, это точно ученик Вольного практика Баошань, хочется плакать.

Лань Цичжи также сказал:

— Старший наставник Цзансэ тоже выглядит великолепно.

После этого оба улыбнулись. Лань Цичжи добавил:

— Вы пришли как раз вовремя. Завтра начинается обучение, и молодёжь из различных знатных семей прибудет сюда. Старший наставник, вы, находясь в горах, не интересовались мирскими делами, но теперь у вас есть возможность познакомиться с другими. Раз уж вы спустились в мир, вам придётся с ними взаимодействовать.

Чи Хуэй подумала, что эти слова звучат очень знакомо.

Лань Цичжи достал нефритовую табличку:

— Это пропуск клана Лань. Во время обучения запрещено выходить без разрешения. Подъём в пять утра, отбой в девять вечера. В клане Лань множество правил, старший наставник, пожалуйста, обязательно соблюдайте их.

Сказав это, он многозначительно посмотрел на неё, и в его глазах сквозила едва сдерживаемая улыбка.

Чи Хуэй взяла табличку и подумала: «Подъём в пять утра, отбой в девять вечера — это ведь не так сложно. В горах было то же самое».

На следующий день молодёжь из различных знатных семей собралась в Зале Орхидей. Чи Хуэй наконец поняла, насколько ограниченным было её «горное» мировоззрение.

Клан Вэнь с горы Цишань, возглавлявший «Пять Великих Семей», за последние сто лет не отправлял никого на обучение, и в этом году всё осталось по-прежнему.

Клан Цзинь из Ланьлина, потомки королевской семьи. Прибыл старший сын Цзинь Цянь, Цзинь Гуаншань, с красной точкой между бровей, одетый в роскошный халат с узорами из

золотых звёзд и снежных волн. Его лицо было красивым, а во взгляде читались легкомыслие и ветреность. Говорили, что он привёз с собой более десятка слуг, среди которых было несколько служанок, все с пышной грудью, тонкой талией и прекрасными, как цветы, лицами.

Не Фэн из клана Цинхэ Не, предки которого были мясниками. Их семья практиковала Путь Меча. Этот молодой господин выглядел на семнадцать-восемнадцать лет, его черты лица были резкими, как будто высеченными топором, и он излучал мощную энергию, внушая уважение даже без слов.

Клан Цзян из Юньмэна, предки которого были странствующими воинами. Прибыл Цзян Син, по прозвищу Фэнмянь, с красивым лицом, учтивый и спокойный, слегка старше своих лет. С ним был только один слуга по имени Вэй Чанцзэ, говорят, они выросли вместе и были как братья.

Клан Юй из Мэйшаня, старший сын Юй Кунь, по прозвищу Фэйпэн. С мечевидными бровями и звёздными глазами, его взгляд был острым, а уголки губ слегка приподняты, с насмешливым выражением. Он был одет в пурпурный халат, выглядел роскошно и красиво. Его младшая сестра, Юй Цзыюань, была очень похожа на брата по выражению лица, выглядела очень властной, с нежной белой кожей, что характерно для женщин из Башу. Несмотря на юный возраст, в мире культивации у неё было прозвище «Фиолетовый Паук», что звучало как предупреждение. На её правом указательном пальце было кольцо с фиолетовым кристаллом, а рядом с ней стояли две служанки, Цзиньчжу и Иньчжу, которые не отходили от неё ни на шаг. Эти девушки были ещё моложе, лет десяти, с такими же острыми взглядами, и делали всё очень аккуратно.

Теоретически клан Юй из Мэйшаня не входил в «Пять Великих Семей», но эти брат и сестра выглядели высокомерно и не любили общаться с другими. Дело в том, что Башу — это котловина, практически отдельное государство, с труднопроходимой местностью, окружённое высокими горами. Выход из провинции возможен только по водному пути через Юйчжоу. Как гласит стихотворение: «Дорога в Шу сложна, сложнее, чем подняться на небо». Из-за труднопроходимых дорог связи с внешним миром были ограничены. В Шу было много необычных людей, и кланов, занимающихся культивацией, тоже было немало. Среди них клан Юй был самым влиятельным на юго-западе, как местный император. Материнский клан Шэнь занимал второе место, и у Юй Цзыюань было мало друзей, за исключением одной двоюродной сестры из клана матери. Сын клана Шэнь был ещё слишком мал и не достиг возраста для обучения.

О других больших и малых кланах говорить не будем, но в целом приехали только прямые потомки знатных семей, и, если ничего не случится, многие из них станут будущими главами своих кланов.

Клан Лань из Гусу был самым строгим в вопросах этикета. Не говоря уже о знаниях и мастерстве, даже сам вид учеников клана Лань, излучающих ауру бессмертных, вызывал восхищение. Сколько бы денег ни было, без должного характера они ничего не стоят. Поэтому ежегодное обучение в клане Лань было событием, за которое боролись все знатные семьи, и это была отличная возможность для молодёжи познакомиться друг с другом.

Чи Хуэй смотрела на комнату, полную юношей и девушек, каждый из которых был уникален, и не могла не восхищаться. Молодёжь любила шум, и между знатными семьями были связи, поэтому многие из них уже знали друг друга. Даже если не были близко знакомы, то хотя бы слышали имена, и, если не видели лично, то, услышав, из какой они семьи, могли назвать их имена. Только Чи Хуэй, хоть и была знаменита, но её никто не видел лично, и все были ею заинтересованы.

Молодёжь задавала Чи Хуэй множество вопросов:

— Правда ли, что вашему учителю больше ста тридцати лет? Как он выглядит?

— Правда ли, что, спустившись с горы, вы больше не можете вернуться?

— Вы можете спускаться в город на рынок? Можете запускать воздушных змеев? Охотиться на фазанов?

И тому подобное. Чи Хуэй ответила:

— Я отвечу только на один вопрос: да, спустившись с горы, я больше не могу вернуться. Спуск означает уход из школы. Остальное я не могу рассказать.

Молодёжь выглядела разочарованной, но вдруг раздался голос:

— Госпожа Чи, вы спустились с горы, чтобы найти своего старшего брата, даосского наставника Яньлина? Есть ли у вас новости о нём?

Чи Хуэй взглянула и увидела, что это был Цзян Фэнмянь из Юньмэна, с искренним выражением лица. Услышав это, все юноши повернулись к ней, видимо, этот вопрос их очень интересовал.

Чи Хуэй погрузилась и уже собиралась ответить, как вдруг из двери Зала Орхидей раздалось несколько суровых кашля. Все подняли головы и, словно стая птиц, разбежались по своим местам, сев с прямой спиной. Оказалось, что пришёл Лань Цижэнь.

Лань Цижэнь был ещё подростком, на лице даже не было намёка на щетину, но он излучал серьёзность и строгость, как его дядя, словно маленький старичок. Он гордо вошёл и сел за пустой стол рядом с Чи Хуэй. Увидев это, двое юношей слева и сзади сразу же встали и перешли на дальние столы, освободив место рядом с Лань Цижэнем. Чи Хуэй, сидевшая справа от него, выглядела растерянной, но не двинулась с места.

Через некоторое время Лань Суннянь вошёл, держа в руке свиток, поправил одежду и сел с прямой спиной, излучая величие. Лань Цичжи стоял рядом с Лань Суннянем, и, как патриарх клана Лань, он, конечно, был занят множеством дел, но сегодня была церемония открытия, и он пришёл, чтобы показать серьёзность отношения.

Затем началась долгая и сложная церемония поклонения учителю, где каждый ученик представлялся и преподносил подарки. Дарили в основном редкие книги, антиквариат и фарфор, всё, что считалось изысканным, редким и ценным.

<http://bllate.org/book/15280/1348919>